

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-193-212

Научная статья

Вторая жизнь нартов и даредзанов: очерк русскоязычных стихотворных переводов и обработок из осетинского народного эпоса

И.С. Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук,
Российская Федерация, 363110, РСО-Алания, Пригородный район,
с. Михайловское, ул. Вильямса, д. 1

 shmiksel@rambler.ru

Аннотация. Процесс записи и публикаций текстов осетинского народного эпоса имеет свою историю, непосредственно связанную с развитием осетинского Просвещения. Важнейшие вехи этого процесса зафиксированы и описаны довольно обстоятельно, материал периодизирован и систематизирован в этнографическом, культурно-историческом и социально-политическом аспектах. Уже предварительное обозрение позволяет вычлнить главные параметры этого обширного литературного пласта. Во-первых, осетинский народный эпос записан как на осетинском, так и на русском языке, что на заре осетинской литературы уже выражало ее билингвальную природу. Во-вторых, осетинский народный эпос представлен двумя эпическими циклами: нартовским и даредзановским. В-третьих, осетинский народный эпос в письменном виде существует в двух литературных родах: прозаическом и стихотворном. Очевидно, что запись осетинского народного эпоса — это фиксация внутренних, имманентных архетипов национального художественного мышления, характерных ритмов народного поэтического дыхания. В этой связи особый интерес представляют русскоязычные стихотворные переводы и интерпретации как тексты, декларирующие эти предания на внешнем контуре осетинской культуры и выступающие предметом духовного общения между народами России; органически сопрягающие внутреннее с внешним, имманентное с заимствованным и представляющие собой продукт с ярко выраженным индивидуальным авторским началом. Эти тексты, а именно переводы и обработки народного эпоса осетин, выполненные в разное время А.З. Кубаловым, С.М. Городецким, Г.Г. Малиевым, Д.А. Гатуевым, В.А. Дынник, Рюриком Ивневым, а также до настоящего времени не опубликованные опыты Ады Владимировой и Муссы Хакима, и являются предметом нашего рассмотрения. Мы ставим задачи: зафиксировать уже известные тексты в хронологическом порядке, с обозначением основных свойств и наиболее характерных обстоятельств; ввести в оборот данные по вновь обнаруженным текстам указанного ряда; обобщить материалы по динамическим и собственно поэтическим критериям.

© Хугаев И.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: нартовский эпос, даредзановский эпос, сказание, поэма, перевод, интерпретация, обработка, Александр Кубалов, Сергей Городецкий, Георгий Малиев, Дзахо Гатуев, Валентина Дынник, Рюрик Ивнев, Ада Владимирова, Мусса Хаким

История статьи: поступила в редакцию: 04. 02.2022; принята к печати: 04. 04.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Хугаев И.С. Вторая жизнь нартов и даредзанов: очерк русскоязычных стихотворных переводов и обработок из осетинского народного эпоса // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 193—212. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-193-212

Research Article

Second Life of Narts and Daredzans: An Essay on Russian Verse Translations from Ossetian Folk Epos

I.S. Khugaev

Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
1, Williams Street, village of Mikhailovskoye, Prigorodny district,
RNO-Alania, 363110, Russian Federation
 shmiksel@rambler.ru

Abstract. The process of recording and publication of the texts of Ossetian folk epic literature has its own history, directly related to the evolution of Ossetian Enlightenment. Its most important landmarks have been registered and described in detail; first of all, the material has been divided into periods and classified in the ethnographic, cultural-historical and sociopolitical aspects. This article is devoted to elaboration on its purely philological characteristics and poetic features. Even an introductory survey lets us single out the main parameters of this vast literary stratum. First, the Ossetian folk epos has been recorded both in Ossetian and in Russian, which fact did reflect the bilingual nature of Ossetian literature. Secondly, the Ossetian folk epos has been represented by two epic cycles: the Nart and the Daredzan sagas. Thirdly, the Ossetian folk epos exists in written form in two literary genres: prosaic and poetic. It is evident that the recording of Ossetian folk epic literature means the fixation of the interior, immanent archetypes of ethnic artistic mentality, and of the peculiar rhythms of folk poetic breathing. In this respect, of special interest are the Russian verse translations and interpretations as texts that: declare this lore at the outside contour of the Ossetian culture and serve as a means of spiritual communications among Russia's ethnic communities; intrinsically match the internal with the external, and the immanent with the borrowed; and represent a product with a vividly expressed author's individual inception. These texts, viz. the translations and adaptations of Ossetian folk epos performed at various times by A.Z. Kubalov, S.M. Gorodetsky, G.G. Maliev, D.A. Gatuev, V.A. Dynnik, Rurik Ivnev, as well as the unpublished experiments of Ada Vladimirova and Mussa Khakim, became the subject of this study. In this article, we have put forward the challenge to: perform a general recording of the previously known texts in the chronological order, with the designation of their main peculiarities and most typical

circumstances; put into general practice data on the newly found texts of the shown type; and generalize the material according to dynamic and properly poetic criteria.

Key words: the Nart sagas, the Daredzan sagas, saga/legend, poem, translation, interpretation, adaptation, Aleksandr Kubalov, Sergei Gorodetsky, Georgi Maliev, Dzakho Gatuev, Valentina Dynnik, Rurik Ivnev, Ada Vladimirova, Mussa Khakim

Article history: Received: 04.02.2022; Accepted: 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Khugaev, I.S. 2022. “Second Life of Narts and Daredzans: An Essay on Russian Verse Translations from Ossetian Folk Epos”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (2), 193—212. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-193-212

Введение

Запись и публикация сюжетов национального эпоса — узловой момент культурной истории осетин. Его общее значение состоит в том, что здесь мы наблюдаем буквальную трансформацию устной культуры в письменную; а более частное, именно филологическое значение актуализирует превращение общественной функции сказительства в функцию писательства. Сказитель и писатель, сказание и писание расположены на одном векторе исторической морфологии словесного искусства (точно так же, как литература выступает только новым этапом языкотворчества). Момент письменной материализации духа предания, когда сказание становится писанием, превращением звука в букву (литеру) и есть момент возникновения национальной литературы.

Первые собиратели осетинского фольклора — Василий Цораев (1827—1884), братья Гащыр (1825—1880) и Джантемир (1848—1928) Шанаевы, Асламурза Кайтмазов (1866—1925), Инал Собиев (1874—1961), Соломон Туккаев (1857—1890), Михаил Гарданов (1870—1962), Гагудз Гуриев (1878—1934), Махарбек Туганов (1881—1952) и др., а также русские ученые, письменно зафиксировавшие элементы осетинского эпоса, — Й.А. Шегрен (1794—1855), А.А. Шифнер (1817—1879), В.Б. Пфафф (1834 — между 1874 и 1900), В.Ф. Миллер (1848—1913) — с полным правом могут быть признаны зачинателями осетинской письменной литературы. Фольклористика и этнография (наряду с публицистикой) были ее исходными модусами. Первые письменные тексты устной поэтической традиции, записанные в XIX в. от последнего поколения сказителей и опубликованные в печати, и есть первые литературные прецеденты.

На начальном этапе фольклорный материал осваивается пространственно, в ширину, что соответствует семантике понятия собирательства, самому методу полевых экспедиций. В дальнейшем, естественно, освоение идет вглубь материала; в начале XX в. начинается эра переводчиков и интерпретаторов.

Значение этой работы, в которой участвовало несколько поколений осетинских этнографов, фольклористов, журналистов и писателей, для осетинской культуры безусловно. В.Ф. Миллер, наблюдавший процессы модернизации и урбанизации Осетии, предполагал скорое исчезновение нартовского эпоса: «...через

15, 20 лет уже некому будет в Осетии прославлять подвиги Батразов, Урузмагов и других удалых нартов» [1. С. 10]; это же положение заставляло В.Б. Пфаффа призывать к работе этнографов и бить тревогу: *periculum in mora* [2. С. 29] («промедление опасно»), а Ж. Дюмезиля констатировать: «Материал исчезает... потому, что общение с европейцами, потребности новой жизни заставляют молодых людей забывать верования и предания своих предков... Почти все собиратели легенд, называя свои источники, ссылаются на старейших жителей аулов, короче говоря, на тех, кого от “новой жизни” ограждает старость или немощь» [2. С. 27].

К счастью, этот прогноз, как отмечал В.И. Абаев, не оправдался: «Сказания о Нартах живут в устах народа по сей день, хотя сказителей, поющих о подвигах нартов, может быть, и меньше, чем во времена Миллера» [3. С. 144]. Конечно, положительная динамика во внутреннем культурном обороте Нартовских сказаний (как и всех иных родов и жанров устного поэтического творчества) с появлением письменности объективно невозможна. Ю.М. Лотман подчеркивает, что «письменность сделала значительную часть этой (устной — И.Х.) культуры излишней» [4. С. 115]. Однако письменность если и отменяет устное поэтическое творчество, то она же реабилитирует его в совершенно новом и единственно способном к бытию качестве: в известном смысле письменность «убивает» героев устного народного предания, но она же их «воскрешает» и дает им новую жизнь — в той форме, которая единственно возможна в новых условиях ноосферы.

Процесс записи текстов народного эпоса, его «олитературирования» имеет свою историю, непосредственно связанную с развитием осетинского Просвещения и — в широком смысле — с тенденциями новейшей истории Осетии. Важнейшие вехи этого процесса зафиксированы и описаны довольно обстоятельно; здесь надо иметь в виду работы В.И. Абаева [3; 5], Б.А. Калоева [6], Ю.С. Гаглойти [7], Л.К. Гостиевой [8—10], И.Т. Цориевой и Е.И. Кобахидзе [11; 12], В.А. Мамоновой [13], в которых материал периодизирован и систематизирован в этнографическом, культурно-историческом, политическом и других аспектах.

Каковы же его филологические характеристики и поэтические свойства? Это и есть вопрос данной статьи.

Уже общий обзор позволяет вычлнить главные параметры этого обширного литературного пласта. Во-первых, осетинский народный эпос записан как на осетинском, так и на русском языке¹, что на заре осетинской литературы уже выражало ее билингвальную природу. Во-вторых, осетинский народный эпос представлен двумя эпическими циклами: нартовским и даредзановским. Некоторые исследователи квалифицируют как самостоятельный, хотя менее объемный и значимый эпос царциатские сказания [14]. В-третьих, осетинский народный эпос в письменном виде существует в двух литературных родах: прозаическом и поэтическом (стихотворном). Есть и драматургические опыты, но здесь они, будучи связаны и даже вызваны к жизни не столько литературными задачами эпо-

¹ Мы не говорим здесь о французских, немецких, английских, украинских, словацких и других переводах, не относящихся к нашей проблематике.

хи, сколько процессом становления национального театра и классической музыкальной культуры в Осетии, не актуальны. Таковы, например, героическая драма «Нарт Батрадз» К.Т. Казбекова и В.Б. Корзуна (1939), одноименная пьеса М.П. Шавлохова (1942), легшая в основу, по мнению специалистов [15. С. 25], первой осетинской оперы, либретто Д. Туаева «Ацамаз и Агунда» (1962) и др. [16. С. 54].

Последнее наблюдение актуализирует особенности художественной формы текстов устного оригинала, бытовавшего у осетин как в виде таурага (осет. таурагъ — рассказ, повесть; история; басня; легенда, предание) так и в виде кадага (осет. ка́даг — эпическая поэма, песня, исполняемая народным певцом ка́дагганæг в сопровождении фандыра). При более близком рассмотрении мы увидим, что «композиция сказаний проста и легко обозрима, без отступлений и запутанных поворотов. Синтаксис несложен; преобладает простая фраза, сложноподчиненные конструкции избегаются. Описания скупы до сухости. Диалог лаконичен. Действие, динамика решительно преобладают над описанием и риторикой. Характеры героев раскрываются в действии, в поступках, а не в эпитетах, оценках и характеристиках. Автор (сказитель — *И.Х.*) обычно сохраняет невозмутимый объективизм. Украшающие эпитеты и сравнения ограничены и не грешат чрезмерной изысканностью. Образы большей частью реальны, т.е. лишены условности, и в пользовании ими соблюдается величайшее чувство меры. Язык сжатый, как бы стянутый, но в то же время богатый, упругий, полновесный и меткий» [3. С. 234].

Что касается метрики осетинского кадага, который при всей его проблематичности все же существует, то, по наблюдениям В.И. Абаева, наиболее распространенный тип стиха характеризуется следующими показателями: 1) число слогов в строке колеблется от 9 до 13; 2) после 5-го или 6-го слога обязательна цезура; 3) каждое полустушише имеет, как правило, одно главное ударение; 4) рифма, конечная или внутренняя, не характерна. Правда, тенденция ставить сказуемое в конце приводит к тому, что соседние стихи имеют нередко одно и то же глагольное окончание, как бы рифмуют, но это получается стихийно, а не умышленно [3. С. 232—235].

Очевидно, что запись осетинского народного эпоса — это фиксация внутренних, имманентных архетипов национального художественного мышления, характерных ритмов народного поэтического дыхания. В этой связи особый интерес представляют русскоязычные стихотворные переводы и интерпретации осетинского устного предания как тексты, декларирующие это предание на внешнем контуре осетинской культуры и выступающие предметом духовного общения между народами России; органически сопрягающие внутреннее с внешним, имманентное с заимствованным, где в качестве последнего выступает не только язык, но и традиции, методы и стилевые модусы русских лиро-эпических жанров и представляющие собой продукт с наиболее ярко выраженным индивидуальным авторским началом.

Указывая произведения этого рода в рамках своего очерка истории записи и публикаций эпоса, В.И. Абаев предварил их следующей оговоркой: «Нартовский

эпос, естественно, привлекал и внимание литераторов. Имеется несколько опытов поэтической обработки нартовских сказаний» [3. С. 146]. В свое время (в 1945 г.) ученый выделил в таком качестве работы А.З. Кубалова (1906), С.М. Городецкого (1920) и Г.Г. Малиева (1922). Здесь упоминается и В.Я. Иксуль (1860—1945/52) как автор *Der Sang vom Sosirko dem Narten* («Песня о Нарте Созирко»). «Основным материалом для стихотворного переложения послужил довольно обширный цикл нартовских сказаний, который был разбит им на пятнадцать песен. Книга была переведена на русский язык В. Волинцевым и в 1915 г. составила отдельный том собрания сочинений В.Я. Иксуля...» [9. С. 14]. Сообразно нашим задачам мы можем расширить этот ряд произведениями Д.А. Гатуева (1932), В.А. Дынник (1944—1949), Рюрика Ивнева (1957) и, наконец, до настоящего времени не опубликованными переводами Муссы Хакима (М.Г. Домбы) и Ады Владимировой (О.В. Ивойловой) (конец 1940-х — начало 1950-х гг.).

Эти тексты и являются предметом нашего рассмотрения. Мы ставим задачи: зафиксировать уже известные тексты в хронологическом порядке, с обозначением основных свойств и акцентированием наиболее характерных обстоятельств; ввести в оборот данные по новым (вновь обнаруженным) текстам указанного ряда; обобщить материалы по динамическим и собственно поэтическим критериям.

Обсуждение

Первый опыт стихотворной обработки нартовских сказаний предпринял Александр Захарович Кубалов (1871—1944), один из основоположников осетинской литературы, писатель-билингв, написавший к тому времени блестящую романтическую поэму «Æфхæрдты Хæсанæ» («Хасана из рода Оскорбленных», 1897). Будучи членом Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области, в делах которого принимал участие и В.Ф. Миллер [17. С. 164]), Кубалов занимался литературной обработкой собираемых Обществом нартовских сказаний. В 1905 году во Владикавказе на осетинском языке был издан его сборник «Нарты таурагъта» («Нартские сказания»), а в 1906 — русскоязычные «Песни кавказских горцев. Герои-нарты»:

На берегу морском стояла
Белолицая Дзерасса
Ясным вечером одна
И роняла в волны моря
Слезы белые она [18. С. 66].

Наряду с более поздними статьями «К вопросу о происхождении нартовских песен» и «К вопросу об осетинском стихосложении», а также неоконченной драмой «Амазонки на Тереке» этот материал свидетельствует о глубоком и устойчивом интересе Кубалова к специфике национального искусства, к национальному фольклору и мифологии, который лишний раз характеризует поэта как романтика по темпераменту и мировоззрению.

Эпос А.З. Кубалова включает 38 нартовских сказаний. Композиционно текст представляет собой последовательный, отвечающий генеалогии главных героев,

цикл сказаний и охватывает бытие нартов от встречи Дзерассы с Уастырджи (Ахсар и Ахсартаг уже мертвы) до гибели Созрыко / Сослана от Колеса Балсага. Кубалов значительно отступает от метрических характеристик оригинала, используя для своего переложения четырехстопный хорей «Калевалы» Элиаса Ленирота и «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло; как нам представляется, переводчик вполне сознательно стремился вписать свои нартовские сказания в эту линию мировой эпической традиции (неслучайно он упоминает во вступлении о песнях «природных жителей Америки» [19. С. 64]). В целом можно сказать (в следующих работах мы надеемся обосновать это положение), что Кубалову не удалось построить сбалансированного, композиционно гармоничного эпоса и избежать некоторых элементов того «хаоса» [19. С. 65], который он считал желательным преодолеть; на уровне языка, стиля и ритма Кубалов, оставаясь в рамках актуальных для него прецедентов и практик, не передал самобытности осетинского оригинала.

Следующая публикация в рамках рассматриваемого нами процесса относится к 1920 г.: тогда в газете «Вольный горец» (№ 24) был напечатан перевод фрагмента «Песни о Нарте Ацамазе» («Нарти Ацæмæзи зар»), выполненный *Сергеем Митрофановичем Городецким* (1884—1967) и озаглавленный как «Ацамаз и Агунда». Позже расширенный и доработанный текст издавался как авторизованный перевод с уточнением в заголовке: «По мотивам осетинского эпоса». Установлено, что С.М. Городецкий работал именно с этим, «тугановским» (записанным в конце XIX в. М.С. Тугановым от сказителя Татаркана Туганова) текстом сказания об Ацамазе и Агунде [20. С. 158—174].

Творчество С.М. Городецкого, знатока русского фольклора и мифологии, поэта-акмеиста, представителя плеяды Серебряного века, крепко связано с Кавказом [21. С. 410—420], особенно с Осетией и осетинской культурой, и началось оно именно со знакомства с нартовским эпосом. Оригинал сказания, фрагмент которого перевел и обработал С.М. Городецкий, повествует о сватовстве и женитьбе нарта Ацамаза, по В.И. Абаеву, «дивного певца и музыканта, зачаровывающего всю природу игрой на свирели» [3. С. 198] — осетинского Орфея, Вейнемейнена, Горанта и Садко, и представляет собой «высокохудожественное произведение», «жемчужину осетинской народной поэзии» [3. С. 199].

Богатырь в народе славный, младший витязь Ацамаз,
Подымается на горы, где вершины, как алмаз.
На свирели златозвонной начинает он играть, —
Он почувствовал желанье спор с метелями начать... [22. С. 337—338]

Комментируя переведенный им фрагмент сказания, Городецкий расставляет аналогичные акценты: он также отмечает, что оригинальный текст «богат благообразной красотой», ассоциирует Ацамаза с Орфеем и подчеркивает его главную тему — «воскрешение природы песней» [20. С. 164]. Весьма вероятно, что именно этот мотив послужил толчком к работе над «Ацамазом и Агундой». Помимо картин пробуждения природы, сюжет текста Городецкого включает сцены размолвки героев (Ацамаз разбивает свирель и уходит), чудесной «починки» свирели Агундой и ее безуспешных попыток извлечь из свирели музыкальный звук,

отложенную экспозицию («Стерегли ее джигиты, жадны к счастью своему, / Но Агунда взор свой ясный не дарила никому...»), и сцену встречи Ацамаза с небесным кузнецом Курдалагоном, советующим ему омыть осколки свирели в крови Амрана, чтобы она снова «воскресла».

С высокими оценками перевода Городецкого при всем желании довольно трудно согласиться. То, что Губади Дзагуров говорит о первой редакции перевода, только отчасти может объяснить столь лестный отзыв [20. С. 164]. Ибо признаки недостаточно серьезной, недостаточно пристрастной работы обнаруживаются у Городецкого и на уровне стиля и образности. Мы намерены это показать в специальной статье, равно как и то подлинно ценное и оригинальное, что содержится в интерпретации Городецкого.

Спустя четыре года после публикации «Ацамаза и Агунды», в Берлине вышла в свет книга *Георгия Гадоевича Малиева* (1886—1942) «Горские мотивы», в которую наряду со стихами вошла русскоязычная поэма «Симд Нартов (из цикла Нартских сказаний)», написанная в 1922 г.

Георгий Малиев — один из корифеев осетинской литературы, писатель и поэт-билингв; в 1934 г. он издал сборник стихотворений «Ираф» («Ираф» — название реки в Дигорском ущелье Северной Осетии). Дигорские произведения Малиева вошли в осетинское литературное сознание как образец не только подлинной народности, но и самой изысканной формы — «уникальной музыкальности», «чарующего ритма и звучания», «кристальной прозрачности» [23. С. 564—566]. К сожалению, эти лестные и абсолютно правдивые оценки нельзя отнести к русскоязычному наследию Георгия Малиева, где гораздо заметнее, чем, например, у Коста Хетагурова, сказывается его нерусское происхождение. Не составляет исключения и поэма «Симд Нартов».

Сюжет поэмы в целом соответствует сюжету сказания: нарты танцуют симд; старейшина Урузмаг узнает от них, что нарты хотят таким образом привлечь к себе внимание красавицы Акулы, живущей в железной башне на перепутье семи дорог; получив обещание дорогих подарков, Урузмаг отправляется доставить Акулу к нартам; хитростью ему это удастся; нарты один за другим приглашают Акулу на танец, но она решительно отвергает приглашения, пока, наконец, не пригласил ее и нарт Батраз; Акула отвечает, что она согласилась бы, если бы на чести Батраза не лежало пятно: вот уже сколько лет его дед томится в плену у семиглавого великана; Батраз отправляется в одиночный балц (поход), убивает врага, освобождает деда, а вместе с ним и «Солнца дочь и дочь Луны», забирает все добро великана и спустя год возвращается со всем добром великана к нартам, продолжая свой симд, и женится на красавице Акуле.

Поэма состоит из 10 глав; в ней 524 стиха (количество строк в главах не нормировано), написанных четырехстопным хореем с рифмой abcb:

Алым пламенем объятый,
Разгорается восток,
И с вершин седых Кавказа
Веет легкий ветерок...» [24. С. 109]

В тексте поэмы довольно много неточностей и условностей, нежелательных в авторской обработке; иногда целые построения лишены должной пластичности

и синтаксической ясности. Но главный недостаток поэмы «Симд Нартов» носит концептуальный характер. Для нас остается загадкой, почему Малиев, осетин-дигорец, знаток родного эпического наследия, не раскрыл смыслообразующую деталь оригинального кадага. Впрочем, не только автор рассматриваемой поэмы, но и вообще никто не подчеркивал важнейшего композиционного обстоятельства, на которое прямо указывает название — «Симд Нартов». Уж не является ли этот симд своего рода главным героем произведения? Этот вопрос станет в свое время предметом отдельного рассмотрения.

В 1932 году вышли из печати осетинские даредзановские сказания в переводе и обработке *Дзахо (Константина) Алексеевича Гатуева* (1892—1938), основанные на различных источниках [25. С. 13—15]. Однако «сравнительный анализ тем, сюжетов, мотивов даредзановского эпоса в соотношении с грузинским народным эпосом о прикованном Амირани и осетинским нартским эпосом убеждает в том, что этот эпос, занимая “промежуточное” место, больше тяготеет к осетинской, нартской традиции, являясь... самостоятельным памятником осетинского фольклора» [26].

Дзахо Гатуев принадлежит к числу осетинских писателей-транслингов, обладающих ярко выраженным индивидуальным стилем, воспитанным уже не только русской классикой, но и модернистскими течениями, в частности, пролетарским реализмом и футуризмом, влияние которых подчеркнуто в его творческой биографии личным знакомством с В.В. Маяковским и С.М. Кировым. Гатуев, автор футуристической поэмы «Азия» и повестей и рассказов («В абреки», «Смерть Келемета», «Стакан шейха», «Гага-аул», «Зелимхан»), в которых реализм сочетается с особым стилевым пристрастием к горской языковой стихии, является примером той органической транслингвальности, когда изобразительные средства чужого языка работают на передачу имманентных ментальных и культурных архетипов. Этот самобытный талант — оставаться глубоко национальным художником «при обращении к средствам художественной выразительности другого языка» [27. С. 6] — так или иначе отмечался всеми критиками и исследователями его творчества. Можно сказать, что Гатуев был первым в Осетии сознательным, концептуальным писателем-транслингом, ясно представлявшим свою литературную миссию и исходящим из того, что чужой язык не может быть препятствием своей национальности. Декларация, сформулированная в предисловии к «Амрану», представляет собой не только ближайшее целеполагание, но и творческое кредо в широком смысле. «Работая над “Амраном”, — говорит Гатуев, — я добивался единственного — в полной мере передать на русском языке суровое величие и сжатость подлинника, созданного в суровом быту осетинского народа» [28. С. 19]. «Сюжетную линию настоящей эпопеи, — сообщает здесь же переводчик, — составили записи, изданные Юго-Осетинским научно-исследовательским институтом краеведения» (см.: Даредзановские сказания, мифы и местные предания. Кн. 2. Цхинвали, 1929).

Из-за семи гор —
 Семи перевалов —
 Иамон Даредзанти
 Жену взял.

Ему близнецов двух родив,
Она умерла.
Дичиной
Отец сыновей своих вскармливал [29. С. 23].

Лаконичность форм, резкость линий и контрастов, соответствующая скали-стому ландшафту, скорее черно-белое, нежели цветное, изображение и рваный ритм нерифмованного тактовика, где строки дольника сочетаются с амфибрахи-ем разной сложности, придают даредзановским сказаниям Гатуева некий фан-тасмагорический и сновиденный характер, в котором, тем не менее, просматри-вается общий план, четкая идейная концепция, предварительно сформулирован-ная самим автором: «Фантастичность эпоса сжата горными кряжами. Кряжи населены великанами, всегда враждебными вышедшему из моря человеку — Ам-рану. Человек — сильнейший из сильных. Он борется, используя силу и хитрость. Человек этот обессилел, захотев сделаться собственником (эпизод “Как Амран потерял силу”), и погиб, когда поверил рясоносному служителю культа (эпизод “Как священник обманул Амрана”). С богом вступает в единоборство человек, и в наказание бог посылает на него тюремщиков — святых, заковывающих чело-века (эпизод “Гибель Амрана”)» [28. С. 19].

«Амран» Гатуева весьма самобытен; не зря Н.Я. Марр отмечает его искусность и констатирует, что «перевод дает все, что при существующих условиях можно требовать от переводчика с овсского языка» [30. С. 12], а В.И. Абаев называет его «успешным и полностью себя оправдывающим» [25. С. 17].

В 1940-х годах вышли в свет три издания нартовских сказаний в стихотворном переводе *Валентины Александровны Дынник* (1898—1979), литературоведа и пере-водчика, специалиста по французской литературе, известного переводами из А. Франса, П. Верлена и творческими портретами Э. Багрицкого, К. Федина, А. Толстого, М. Пришвина и других писателей.

В 1944 году была выпущена книга «Сказания о нартах. Из эпоса осетинского народа» [31]. В нее, наряду с предисловием К.Д. Кулова, первого секретаря Се-веро-Осетинского обкома КПСС, вступительной статьей В.А. Дынник «Нартский эпос и заветы богатырства»¹ и кратким глоссарием, вошли сказания «Урузмаг и Кривой уаиг», «Последний поход Урузмага», «Как нарт Батрадз закалил себя», «Батрадз и уаиг Пестрая Борода» «Батрадз и Тыхы-Фырт», «Батрадз и сын кри-вого уаига», «Батрадз и кривой уаиг», «Как Батрадз спас именитых нартов», «Как Батрадз сокрушил Хызовскую крепость», «Чаша Уацамонга», «Женитьба Ацама-за». В 1948 году увидели свет «Сказания о нартах» [32], в которых предыдущее издание дополнено отдельными сказаниями из циклов Ахсара и Ахсартага, Уруз-мага и Шатаны. Книга также открывается статьей переводчицы, в которой она в популярной форме указывает ряд актуальных особенностей осетинского эпоса и раскрывает его воспитательное значение. Наконец, в 1949 г. были изданы объ-

¹ Широко известна в нартоведении и другая статья В.А. Дынник, посвященная осетинской Нартиаде — «Сюжетика осетинского нартского эпоса и его идеальный герой». (См. Сказания о нартах. Эпос народов Кавказа. — М.: Наука, 1969. С. 351—371.)

емные «Нартские сказания. Осетинский народный эпос» [33], которые представляют «ортодоксальную» осетинскую Нартиаду во всей композиционной полноте¹. Эпос В.А. Дынник состоит из главных циклов «Уархаг и его сыновья», «Шатана и Урызмаг», «Сослан», «Сырдон», «Хамыц и Батрадз», «Ацамаз», за которыми следует отдельное сказание «Айсана», представляющее один из так называемых малых циклов; завершается эпос сказанием о гибели нартов, о том, как нарты предпочли вечную славу вечной жизни.

В целом В.А. Дынник стремится индивидуализировать образы нартовских героев и по-своему передать в русскоязычном тексте ритмическую и образную специфику нартовского эпоса, используя вольный белый стих и разнообразные средства звукописи и стилизации, подчеркивающие архаику эпического предания:

— Погляди, девушка, послушай, солнышко,
 Что-то ронг не бродит, вот позор-то будет,
 Твой брат приедет, а встретить и нечем...
 И пошла Шатана, сняла свои чары,
 Рука у Шатаны обильем полнится,
 Будто в ней алутон всеутоляющий,
 Вмиг изготовила дрожжи-самоброды
 И взяла те дрожжи, к ронгу подбавила,
 Забродил у ней ронг, весь запузырился;
 Стали пузырьки кверху подпрыгивать,
 Закипела пена морским кипением,
 Речным половодьем вспучилось варево,
 Взгудело варево, как лесной ураган [33. С. 34—35].

Переводы В.А. Дынник явились, по небезосновательному мнению специалистов, «первой значительной попыткой познакомить русского читателя с нартовской поэзией» [8. С. 70].

1957 год был ознаменован очередным монументальным изданием: Академией наук СССР в серии «Литературные памятники» была выпущена книга «Нарты: эпос осетинского народа» [34], подготовленная В.И. Абаевым, Н.Г. Джусойты, Б.А. Калоевым и Рюриком Ивневым. Последний выступил переводчиком; это было первое издание на русском языке юго-осетинского собрания [35] сказаний о нартах².

Рюрик Ивнев (Михаил Александрович Ковалев) (1891—1981) — русский поэт и прозаик, в свое время переживший влияние футуристической и имажинистской поэтики, автор поэтических сборников «Солнце во гробе» (1921), «Моя страна»

¹ В. Дынник работала с текстами подстрочников, подготовленных работниками СОНИИ и членами правительственного Нартского Комитета, созданного в 1940 г. решением Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Совнаркома СОАССР — В. Абаевым, И. Джанаевым, Н. Багаевым, Т. Епхивевым, Д. Мамсуровым, Х. Ардасеновым, А. Гулуевым, Г. Плиевым, Х. Плиевым, С. Бритаевым и др. учеными и писателями. Редакторами издания выступили Н. Тихонов, В. Козин, С. Бритаев.

² Русские подстрочники, с которыми работал Р.А. Ивнев, были составлены работниками Юго-Осетинского НИИ; в сборе и обработке материала участвовали Б. Андиев, Э. Багаев, З. Ванев, И. Качмазов, М. Туганов, Н. Джусойты и др.

(1943) «Память и время» (1969) и др., романов «Несчастный ангел» (1917), «Открытый дом» (1927), «У подножия Мтацминды» (1971) и др. — известен и как переводчик: он перевел на русский язык произведения Низами, Самеда Вургуня и Григола Абашидзе. В 1946 году в Сталинире отдельной книгой вышли его переводы из современных осетинских поэтов [36]. Очевидно, такое пристрастие к кавказской поэзии было отчасти обусловлено тем, что Рюрик Ивнева был уроженцем Тифлиса.

Перевод Ивнева включает 62 сказания, расположенных в целом в соответствии с генеалогией нартских героев, но без циклизации на уровне структуры. В предисловии к сборнику «Нарты: эпос осетинского народа» отмечается, что переводчик «не ставил целью филологическую буквальность, а стремился дать свободный литературный перевод, который, не изменяя духу оригинала, был бы доступен широкому кругу читателей. Легкости восприятия, — говорится далее, — должна способствовать и рифма, которая для осетинского оригинала не характерна» [37. С. 5].

Здесь собраны древнейшие сказанья
О нартских героических деяньях.
Сказители их завещали миру,
Отдав всю душу звучному фандыру.
Во времена далекие, седые,
Проникли нарты в небеса впервые.
Они не раз пересекали страны,
Где жили уаиги-великаны.
В скитаниях не находя покоя,
Они спускались и на дно морское.
К донбетрам шли, терк-туркам и гумирам:
Они всегда кончали битвы пиром [34. С. 7].

Надо сказать, что перевод Ивнева, притом что он был благосклонно принят читателем, вызвал неоднозначные отклики у фольклористов. Жесткой критике подверг «Нарты...» В.Я. Пропп, который, обобщая опыт некоторых прецедентов, писал: «...в настоящем издании нартские сказания переведены пятистопными ямбами в рифму. Из... решений вопроса о переводе последнее есть не только несомненно наихудшее, но и вообще плохое и невозможное... не говоря уже о том, что рифма как раз и нарушает дух оригинала, обилие таких “рифм”, как “внезапно” и “нарта”, “громко” и “ребенок” и т.д., не только не способствует “легкости” восприятия, но заставляет читателя на каждом шагу спотыкаться» [38. С. 353—354]. Книга, по мнению рецензента, не дает «достаточного правильного представления об осетинском нартском эпосе» [38. С. 351]. Нам представляется, что претензии Проппа справедливы лишь отчасти и проистекают скорее из его научной заботы об аутентичности текста, нежели из представлений об общем идеологическом и художественном значении рассматриваемого издания, которое было и остается безусловно положительным. «Ивнева, — пишет современный исследователь, — по праву можно назвать дальневосточным автором, как и грузинским или осетинским (за то, что перевел эпос “Нарты”» [39].

Перевод Рюрика Ивнева стал последним в ряду знаковых публикаций осетинского эпоса в стихотворной форме, но, чтобы увидеть этот процесс во всей его полноте, сегодня необходимо указать еще два прецедента — переводы, выполненные в свое время Адой Владимировой и Муссой Хакимом. Они до сих пор не опубликованы и хранятся в научном архиве Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований и прежде никогда не упоминались в нартоведении.

Ада Владимировна (Ивойлова Олимпиада Владимировна, 1890—1985) — русская советская поэтесса (в молодости примыкавшая к эгофутуристам) и переводчица, известная сборниками оригинальных стихотворений «Дали вечерние» (1913), «Кувшин синева» (1922), «Трудная радость» (1930), «Навстречу солнцу» (1962) и др., а также переводами Шиллера, Бодлера, Франса и поэтов республик СССР. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. Ада Владимировна перевела на русский язык ряд текстов осетинской Нартиады.

Рукопись, озаглавленная как «Нартские сказания», состоит из пяти глав: «Ацамаз и красавица Агунда»; «Смерть Батрадза (из цикла “Хамыц и Батрадз”)»; «Как рожден был Сослан и как его закаляли»; «Как Батрадза из моря выманили»; «Ацамаз и алдар Мысыра». Очевидно, это весьма условная, предварительная композиция; наряду с текстовой авторской правкой она свидетельствует о незавершенности работы. Перевод выполнен пятистопным ямбом с параллельной (парной) рифмовкой, т.е. в той же подвергнутой критике академиком В.Я. Проппом форме, что и перевод Рюрика Ивнева.

Тем не менее образный строй текста обладает своими достоинствами; язык перевода отличается яркостью и динамичностью; при этом очевидно, что переводчица стремилась синтезировать имманентную национальную поэтику сказаний с «матрицей» языка перевода:

...Стремится вдаль, сияет солнцем взор:
 Не Бонварнон ли всходит из-за гор?
 Нет, то не свет восхода иль заката —
 То вдаль Ацамас мчится, как крылатый.
 Звезда ли трав Кардагсталы взошла? —
 Нет, то Ацамас, быстрый, как стрела.
 Спешит он со свирелью ввысь, к вершине,
 Где дочь живет Сайнаг-алдара ныне,
 Единственная дочь его. Он стар.
 Как нежно любит дочь Сайнаг-алдар!.. [40. Л. 7]

«Нартские сказания» Ады Владимировой получили отличный отзыв заведующего отделом славянских литератур государственного издательства художественной литературы А. Савельевой, которая отмечала, что перевод «звучит поэтично, образы людей и явления природы переданы с большой художественной силой... чистым, лишенным вычурности русским языком» [41. Л. 1], а также весьма лестную рецензию директора Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева Д.И. Арсенишвили, ставившего перевод Ады Владимировой выше известных работ Ю. Либединского и В. Дынник и, в частности, писавшего К.Д. Кулову:

«...лучшего, более красочного перевода, нет; его появление будет встречено читателем с большой благодарностью» [42. Л. 5].

Вместе с переводом Ады Владимировой хранится в научном архиве СОИГСИ и перевод *Муссы Хакима* (Моисея Григорьевича Домбы) (1896—1966). Под настоящим именем его знали в Осетии как практикующего врача-физиотерапевта, профессионала высокого уровня и человека редких качеств [43. С. 215—219; 44], а в литературных кругах он был известен как краевед, писатель-документалист и переводчик.

Литературное наследие Муссы Хакима не велико, но разнообразно и интересно. Близкий друг М.С. Туганова, он принимал активное участие в его осетиноведческих исследованиях, переводил на русский язык некоторые фольклорные материалы (в частности, в 1958 г. сделал перевод песни «Задалески нана») и написал книгу «Махарбек Туганов — народный художник Осетии» (1962). Его перу принадлежат брошюра «По материалам древних погребений Северной Осетии» (1966), исторические очерки «Пироги во Владикавказе» и «Генерал-лейтенант Созырыко Хоранов» (1950-е гг.), переводы из Нигера (Ивана Джанаева), Татары Епхиева и Дабе Мамсурова, а также ряд оригинальных стихотворений (в том числе для детей).

«Сказания о нартах» Муссы Хакима состоят из семи частей: «Рождение Ахсара и Ахсартага», «Яблоко Нартов», «Красавица Дзерасса», «Смерть Ахсара и Ахсартага», «Рождение Урузмага и Хамыца», «Как Урузмаг и Хамыц нашли Уархага», «Рождение Сатана» (Шатаны — *И.Х.*) — и представляет собой нерифмованные вольные стихи (что формально сближает их с текстами В.А. Дынник), нацеленные на сохранение аутентичных этнокультурных маркеров:

С одного сегодня до другого был пир;
Пировали гости Уархага Нарта.
А окончили пир, разошлись они
По хадзарам своим, полным счастья:
Курдалагон, верхом на буре огненной,
Будто сам уаиг Пакундзи летающий,
В один миг на небо, говорят, вспорхнул.
Донбеттр в белугу превратился вдруг
И нырнул в большой фурд на самое дно.
Нарты ж прямо с пира отправились в балц... [45. Л. 2]

Поэтика Муссы Хакима не безупречна; однако его «Сказания о нартах» содержат материал для актуальных наблюдений и сравнительного изучения различных стихотворных версий, поскольку эти «Сказания» (как и перевод Ады Владимировой) написаны с использованием тех же подстрочников, что и переводы В. Дынник.

В специальной статье мы рассмотрим эти в силу разных причин оставшиеся неопубликованными тексты Муссы Хакима и Ады Владимировой и надеемся дать им комплексную и объективную оценку. Но, как бы то ни было, они должны быть в поле зрения будущих исследователей истории русскоязычных записей, переводов и переложений осетинских нартовских сказаний.

Выводы

Резюмируя наше сказанное, следует классифицировать материал по ряду актуальных параметров.

1. Из восьми описанных нами прецедентов семь изображают нартов и только один (эпос Дзахо Гатуева) — даредзанов, что, в сущности, отражает сравнительную у осетин популярность нартовских сказаний, равно как и то обстоятельство, что даредзановский эпос не является всецело произведением осетинской национальной почвы (В.И. Абаев замечал, что он не вполне заслуживает названия осетинского национального эпоса [25. С. 17]).

2. С точки зрения идейно-художественной методологии, отчетливо выявляемой при диахроническом взгляде, мы видим, что в текстах Кубалова и Малиева преобладают традиционные романтические краски (что не случайно, ибо романтическому мировоззрению имманентно пристрастие к фольклору), у Сергея Городецкого романтическая атмосфера уже проникнута разными элементами модернистской эстетики (нельзя сбрасывать со счетов его акмеистический опыт), у Дзахо Гатуева наблюдается выраженный революционный романтизм и своего рода этнофутуризм. Первые три автора так или иначе стремились познакомить с сюжетами осетинского эпоса не осетинского читателя, в текстах же Дзахо Гатуева, Валентины Дынник, Рюрика Ивнева, Ады Владимировой и Муссы Хакима — при всех различиях, в том числе качественных — мы имеем дело с методологией так называемого советского реалистического перевода, который нацелен не только на текст как таковой, но и на отраженную в оригинале действительность и который строится на оптимальном компромиссе между полюсами доместикации и форенизации.

3. Очевидно жанровое разнообразие русскоязычных осетинских эпических сказаний: Александр Кубалов, Дзахо Гатуев, Валентина Дынник и Рюрик Ивнев осуществляют, с учетом всех оговорок, касающихся формальной законченности и содержательного качества, полный перевод осетинского эпоса; Георгий Малиев создает поэму на основе одного сказания; Сергей Городецкий — своего рода балладу; Ада Владимирова и Мусса Хаким делают переводы избранных сказаний.

4. Разнообразию наблюдается с формально-технической стороны текстов: Александр Кубалов и Георгий Малиев использует рифмованный четырехстопный хорей, Сергей Городецкий — восьмистопный хорей с цезурой и параллельной рифмовкой, Дзахо Гатуев — тактовик в сочетании со строками правильного амфибрахия без рифмы, Валентина Дынник и Мусса Хаким — вольный белый стих, Рюрик Ивнев — рифмованный пятистопный ямб.

5. Налицо различия и в степени интерпретации и обработки исходного материала; если опустить формальные новации, присущие в той или иной мере всем рассмотренным текстам, то как обработку в строгом смысле следует отметить работы Сергея Городецкого и Дзахо Гатуева; остальные тексты более соответствуют понятию перевода в строгом смысле.

6. Заметим наконец и то (хотя такое разграничение может на первый взгляд показаться праздным), что русскоязычные стихотворные тексты осетинского эпоса, выполненные Сергеем Городецким, Валентиной Дынник, Рюриком Ив-

невым, Адой Владимировой и Муссой Хакимом, сделаны на основе подстрочных русских переводов, а Александр Кубалов, Георгий Малиев и Дзахо Гатуев работали непосредственно с осетинскими записями сказаний и, таким образом, их произведения — как произведения природных осетин — для литературного процесса в Осетии наиболее актуальны.

Тексты осетинского эпоса на русском языке — сложное и многоплановое литературное явление, представляющее в первую очередь переводоведческую проблему. Можно утверждать, что идеального перевода не существует; идеальным может быть только аутентичный текст исходника, а степень совершенства перевода соизмерима с достоинствами, которые В.Я. Пропп с восхищением констатировал в немногих виденных им подстрочниках, содержащих «интереснейшие примеры поэтического искусства осетин». «Вдруг — говорит он, — повеяло чистым воздухом, вдруг приоткрылась щель в народную сокровищницу...» [38. С. 355].

Список литературы

1. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
2. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
3. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990.
4. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв: внутренние структуры и внешние влияния // Семиосфера. СПб., 2001.
5. *Абаев В.И.* Нартовский эпос. Орджоникидзе, 1945.
6. *Калоев Б.А.* История записи и публикации нартского эпоса // Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957.
7. *Гаглойти Ю.С.* Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвал: Ирыстон, 1977.
8. *Гостиева Л.К.* Из истории записи и публикаций осетинского Нартовского эпоса в 1940-е гг. // Вопросы литературы и фольклора. 2018. № 10-2. С. 59—75.
9. *Гостиева Л.К.* Зарубежные переводы осетинского нартовского эпоса // Вестник Владикавказского научного центра. 2019. № 3. С. 13—19. DOI: 10.23671/VNC.2019.3.35996
10. *Гостиева Л.К.* Из истории издания осетинского Нартовского эпоса в 1950-е — 2010-е гг. // Вестник Владикавказского научного центра. 2020. № 3. С. 22—30. DOI: 10.46698/i5336-6654-7271-g
11. *Цориева И.Т.* Осетинская Нартиада: к истории записи и издания героического эпоса // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 135—149.
12. *Цориева И.Т., Кобахидзе Е.И.* Осетинская Нартиада: контексты и периоды истории издания эпоса // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. науч. трудов. Владикавказ: ВНЦ РАН, 2019. Вып. V. С. 3—12.
13. *Мамонова В.А.* Историография Нартского эпоса осетин: культурологический аспект: автореф... дисс. канд. культурологии. СПб., 2004.
14. *Таказов Ф.М.* Легенды о Царциатах: эпос осетинского народа // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15308> (дата обращения: 08.06.2021).
15. *Плиева М.Г.* Махарбек Сафарович Туганов и Борис Александрович Галаев. Особенности творческого диалога // Вестник Владикавказского научного центра. 2021. № 2. С. 25—29. DOI: 10.46698/q0274-1658-8706-z
16. *Батагова Т.Э.* Нартовские архетипы в музыке осетинских композиторов // Известия СОИГСИ. 2011. № 5 (44). С. 54—68.
17. *Гостиева Л.К.* Документы об участии В.Ф. Миллера в культурной жизни Осетии // Известия СОИГСИ. 2020. Выпуск 37 (76). С. 163—185.

18. *Кубалов А.З.* Песни Кавказских горцев. Герои нарты // Сочинения. Орджоникидзе: Ир, 1978.
19. *Кубалов А.З.* Осетинский народный эпос. Заметка // Сочинения. Орджоникидзе: Ир, 1978.
20. *Абисалова Р.Н.* Осетинский эпос в творческом наследии С.М. Городецкого // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ: ВНЦ РАН, 2019. Вып. V. 288 с. С. 158—174.
21. *Найфонова Ф.* С.М. Городецкий и Кавказ // IV Всероссийские Миллеровские чтения: в 4 т. Владикавказ: ВНЦ РАН, 2014. Т. 4. С. 410—420.
22. *Городецкий С.М.* Ацамаз и Агунда (по мотивам осетинского эпоса) // Городецкий С.М. Стихи. М.: Художественная литература, 1963.
23. *Абаев В.И.* О Георгии Малиеве // Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990.
24. *Малиев Г.Г.* Симд Нартов (Из цикла Нартских сказаний) // Произведения. Владикавказ: Ир, 2005.
25. *Абаев В.И.* Даредзановский эпос у осетин // Амран. Осетинский эпос / пер., обраб. и коммент. Дзахо Гатуева; предисл. и ред. акад. Н.Я. Марра. М.; Л.: Academia, 1932. С. 13—15.
26. *Тменова З.Г.* Сказания о даредзанах в жанровой и идейно-художественной системе осетинского народного эпоса: дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2009. URL: <http://cheloveknauka.com/skazaniya-o-daredzanah-v-zhanrovoy-i-ideyno-hudozhestvennoy-sisteme-osetinskogo-narodnogo-eposa#ixzz70TLqSyXp> (дата обращения: 06.08.2021).
27. *Мамакаев М.* Дзахо Гатуев // Гатуев Д.А. Избранное. М.: Художественная литература, 1970.
28. *Гатуев Д.А.* От переводчика // Амран: Осетинский эпос / пер., обраб. и коммент. Д. Гатуева; предисл. и ред. акад. Н.Я. Марра. М.; Л.: Academia, 1932.
29. Амран. Осетинский эпос / пер., обраб. и коммент. Дзахо Гатуева; предисл. и ред. акад. Н.Я. Марра. М.; Л.: Academia, 1932.
30. *Марр Н.Я.* К вопросу о народной овсской литературе // Амран / перевод, обработка и комментарии Дзахо Гатуева; предисл. и ред. акад. Н.Я. Марра. М.; Л.: Academia, 1932.
31. Сказания о нартах. Из эпоса осетинского народа. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1944.
32. Сказания о нартах. М.: Издательство детской литературы, 1948.
33. Нартские сказания. Осетинский народный эпос. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949.
34. Нарты: эпос осетинского народа. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
35. Нарты. Осетинский народный эпос. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1942.
36. Сборник стихов писателей Юго-Осетии / пер. Р. Ивнева. Сталинир, 1946.
37. От редакции // Нарты: эпос осетинского народа. М.: изд-во АН СССР, 1957.
38. *Пропп В.Я.* Нарты. Эпос осетинского народа // Пропп В.Я. Собрание трудов. Фольклор. Литература. История. М.: Лабиринт, 2002. С. 351—357.
39. *Белых А.* Ситуация «Рюрик Ивнев» (К 120-летию со дня рождения) // Сетевая словесность. URL: <https://www.netslova.ru/belyh/ivnev.html> (дата обращения: 06.08.2021).
40. Нартские сказания в переводе на русский язык А. Владимировой // Научный архив СОИГСИ. Фольклор. № 130. п. 95.
41. Письмо зав. редакцией литературы славянских зарубежных народов А. Савельевой к Аде Владимировой // Научный архив СОИГСИ. Фольклор. № 130. п. 95.
42. Письмо директора Музея древнерусского искусства Д.И. Арсенишвили к К.Д. Кулову // Научный архив СОИГСИ. Фольклор. № 130. п. 95.
43. *Шанаев Б.А.* Мусса Хаким (Моисей Григорьевич Домба) // Шанаев Б.А. Частица духа. Владикавказ: Ир, 2003.
44. *Олисаев В.Г.* Моисей Домба — врач, историк и поэт // Северная Осетия. 24 июля 2015 г. № 130.

45. Сказания о нартах в переводе Муссы Хакима // Научный архив СОИГСИ. Фольклор. № 130. п. 95.
46. Хаджиева Л.Л. Проблема фольклора в эпоху становления романтизма. URL: http://www.rusnauka.com/33_OINXXI_2014/Philologia/8_179181.doc.htm (дата обращения: 06.08.2021).
47. Азов А. К истории теории перевода в Советском Союзе. Проблема реалистического перевода // Логос. 2012. № 3 (87). С. 131—152.

References

1. Miller, V.F. 1992. Osetinskie etyudy. Vladikavkaz. Print. (In Russ.)
2. Dumezil, J. 1976. Osetinskij epos i mifologiya. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
3. Abaev, V.I., 1990. Nartovskij epos osetin. In Abaev V.I. Izbrannye trudy: religiya, fol'klor, literatura. Vladikavkaz: Ir publ. Print. (In Russ.)
4. Lotman, Yu.M. 2001. Kul'tura i vzryv: Vnutrennie struktury i vneshnie vliyaniya. In Lotman Yu.M. Semiosphere. St. Petersburg. Print. (In Russ.)
5. Abaev, V.I. 1945. Nart epic. Ordzhonikidze. Print. (In Russ.)
6. Kaloev, B.A. 1957. Istoriya zapisi i publikacii nartского eposa. In Nartskij epos. Ordzhonikidze. Print. (In Russ.)
7. Gagloiti, Yu.S. 1977. Nekotorye voprosy istoriografii nartского eposa. Ckhinval: Iryston publ. Print. (In Russ.)
8. Gostieva, L.K. 2018. "Iz istorii zapisi i publikacij osetinskogo Nartovskogo eposa v 1940-e gg". Voprosy literatury i fol'klora 10-2: 59—75.
9. Gostieva, L.K. 2019. Zarubezhnye perevody osetinskogo nartovskogo eposa. Vestnik VNC 3: 13—19. doi: 10.23671/VNC.2019.3.35996
10. Gostieva, L.K. 2020. Iz istorii izdaniya osetinskogo Nartovskogo eposa v 1950-e — 2010-e gg. Vestnik VNC 3: 22—30. doi: 10.46698/i5336-6654-7271-g
11. Tsorieva, I.T. 2019. Osetinskaya Nartiada: k istorii zapisi i izdaniya geroicheskogo eposa. Etnograficheskoe obozrenie 3: 135—149.
12. Tsorieva, I.T., Kobakhidze, E.I. 2019. Osetinskaya Nartiada: konteksty i periody istorii izdaniya eposa. In Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretacii: Cbornik nauchnyh trudov, 3—12. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN publ. Print. (In Russ.)
13. Mamonova, V.A. 2004. Istoriografiya Nartского eposa osetin: kul'turologicheskij aspekt. Candidate Thesis. SPb.
14. Takazov, F.M. 2014. Legendy o Carciatah: epos osetinskogo naroda. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15308> (accessed: 06.08.2021).
15. Plieva, M.G. 2021. "Maharbek Safarovich Tuganov i Boris Aleksandrovich Galaev. Osobennosti tvorcheskogo dialoga". Vestnik VNC 2: 25—29. doi: 10.46698/q0274-1658-8706-z
16. Batagova, T.E. 2011. "Nartovskie arhetipy v muzyke osetinskih kompozitorov". Izvestiya SOIGSI 5 (44): 54—68.
17. Gostieva, L.K. 2020. Dokumenty ob uchastii V.F. Millera v kul'turnoj zhizni Osetii. Izvestiya SOIGSI 37 (76): 163—185.
18. Kubalov, A.Z. 1978. Pesni Kavkazskih gorcev. Geroi narty. In Kubalty A.Z. Uacmystæ (Kubalov A.Z. Sochineniya). Ordzhonikidze: Ir publ. Print. (In Russ.)
19. Kubalov, A.Z. 1978. Osetinskij narodnyj epos. Zametka. In Kubalty A.Z. Uacmystæ (Kubalov A.Z. Sochineniya). Ordzhonikidze: Ir publ. Print. (In Russ.)
20. Abisalova, R.N. 2019. Osetinskij epos v tvorcheskom nasledii S.M. Gorodeckogo. Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretacii V: 158—174. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN publ. Print. (In Russ.)
21. Naifonova, F. 2014. Gorodeckij i Kavkaz. Vserossijskie Millerovskie chteniya V: 410—420.

22. Gorodetsky, S.M. 1963. *Acamaz i Agunda* (po motivam osetinskogo eposa). In Gorodeckij S.M. *Stihi*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura publ. Print. (In Russ.)
23. Abaev, V.I. 1990. O Georgii Malieva. In Abaev, V.I. *Izbrannye trudy: religiya, fol'klor, literatura*. Vladikavkaz: Ir publ. Print. (In Russ.)
24. Maliev, G.G. 2005. *Simd Nartov* (Iz cikla Nartskih skazanij). In Maliev, G.G. *Proizvedeniya*. Vladikavkaz: Ir publ. Print. (In Russ.)
25. Abaev, V.I. 1932. *Daredzanovskij epos u osetin*. In Amran. *Osetinskij epos / Per., obrab. i komment. Dzaho Gatueva; predisl. i red. akad. N.Ya. Marra. M.; L.: Academia publ. Print.* (In Russ.)
26. Tmenova, Z.G. 2009. *Skazaniya o daredzanah v zhanrovoj i idejno-hudozhestvennoj sisteme osetinskogo narodnogo eposa: dis. ... kand. filolog. nauk*. Moscow. URL: <http://cheloveknauka.com/skazaniya-o-daredzanah-v-zhanrovoy-i-idejno-hudozhestvennoj-sisteme-osetinskogo-narodnogo-eposa#ixzz70TLqSyXp> (accessed: 06/08/2021).
27. Mamakaev, M. 1970. *Dzaho Gatuev*. In Gatuev D.A. *Izbrannoe*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura publ. Print. (In Russ.)
28. Gatuev, D.A. 1932. *Ot perevodchika*. In Amran: *Osetinskij epos / Per., obrab. i komment. Dzaho Gatueva; predisl. i red. akad. N.Ya. Marra. Moscow; Leningrad: Academia publ. Print.* (In Russ.)
29. Amran. *Osetinskij epos. 1932*. Translated by Dzaho Gatuev; edited by N.Ya. Marra. M.; L.: Academia publ. Print. (In Russ.)
30. Marr, N.Ya. 1932. *K voprosu o narodnoj ovsskoj literature*. In Amran. / *Perevod, obrabotka i kommentarii Dzaho Gatueva / Predisl. i red. akad. N.Ya. Marra. M.; L.: Academia publ. Print.* (In Russ.)
31. *Skazaniya o nartah. Iz eposa osetinskogo naroda. 1944*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury publ. Print. (In Russ.)
32. *Skazaniya o nartah. 1948*. Moscow: Izdatel'stvo detskoj literatury publ. Print. (In Russ.)
33. *Nartskie skazaniya. Osetinskij narodnyj epos. 1949*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury publ. Print. (In Russ.)
34. *Narty: Epos osetinskogo naroda. 1957*. Moscow: AN SSSR publ. Print. (In Russ.)
35. *Narty. Osetinskij narodnyj epos. 1942*. Stalinir: Gosizdat Yugo-Osetii publ. Print. (In Russ.)
36. *Sbornik stihov pisatelej Yugo-Osetii. 1946 / Per. Ryurika Ivneva. Stalinir: Gosizdat Yugo-Osetii publ. Print.* (In Russ.)
37. *Ot redakcii. In Narty: Epos osetinskogo naroda. 1957*. Moscow: AN SSSR publ. Print. (In Russ.)
38. Propp, V.Ya. 2002. *Narty. Epos osetinskogo naroda. Izdanie podgotovili V.I. Abaev, N.G. Dzhusoev, R.A. Ivnev i B.A. Kaloev. Izd. AN SSSR, 1957*. In Propp, V.Ya. *Sobranie trudov. Fol'klor. Literatura. Istorija*. Moscow: Labirint publ. Print. (In Russ.). Pp. 351–357.
39. Belykh, A. *Situaciya «Ryurik Ivnev» (K 120-leniyu so dnya rozhdeniya). Setevaya slovesnost' [Sajt]*. URL: <https://www.netslova.ru/belyh/ivnev.html> (accessed: 06/08/2021).
40. *Nartskie skazaniya v perevode na russkij yazyk A. Vladimirovoj. NA SOIGSI. Fol'klor. № 130. p. 95.*
41. *Pis'mo zav. redakciej literatury slavyanskih zarubezhnyh narodov A. Savel'evoj k Ade Vladimirovoj. Nartskie skazaniya v perevode na russkij yazyk A. Vladimirovoj. NA SOIGSI. Fol'klor. № 130. p. 95.*
42. *Pis'mo direktora Muzeya drevnerusskogo iskusstva D.I. Arsenishvili k K.D. Kulovu. Nartskie skazaniya v perevode na russkij yazyk A. Vladimirovoj. NA SOIGSI. Fol'klor. № 130. p. 95.*
43. Shanaev, B.A. 2003. *Mussa Hakim (Moisej Grigor'evich Domba)*. In Shanaev, B.A. *Chastica duha*. Vladikavkaz: Ir publ. Print. (In Russ.)
44. Olisaev, V.G. 2015. *Moses Domba — a doctor, historian and poet*. North Ossetia. July 24. No. 130.
45. *Skazaniya o nartah v perevode Mussy Hakima. NA SOIGSI. Fol'klor. № 130, p. 95.*
46. Khadzhieva, L.L. 2014. *Проблема фольклора в эпоху становления романтизма*. URL: http://www.rusnauka.com/33_OINXXI_2014/Philologia/8_179181.doc.htm (accessed: 06/08/2021).
47. Azov, A. 2012. *K istorii teorii perevoda v Sovetskom Soyuze. Problema realisticheskogo perevoda. Logos 3 (87): 131–152.*

Сведения об авторе:

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник комплексного научно-исследовательского отдела Владикавказского научного центра Российской академии наук. E-mail: shmiksel@rambler.ru; vncran@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8838-5157

Bio Note:

Irlan Sergeevich Khugaev is a Ph.D, a Leading researcher of the Integrated Research Department of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: shmiksel@rambler.ru; vncran@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8838-5157